

Аркадий МАКАРОВ

ХОЧЕШЬ, Я ТЕБЕ МОСКВУ ПОКАЖУ?..

18+

@ЭЛИТА

Аркадий Макаров

Хочешь, я тебе Москву покажу?..

Электронное издательство "Аэлита"

2015

Макаров А.

Хочешь, я тебе Москву покажу?.. / А. Макаров — Электронное издательство "Аэлита", 2015

Повесть рассказывает о возмужании подростка послевоенного времени, о его непростых отношениях со старшими, много повидавшими людьми, о первой влюбленности, об эротических переживаниях и мужестве начинающего мужчины в непростых жизненных перипетиях и передрыгах. Повесть многопланова, остросюжетна, с вкраплением достаточно острых эротических картинок. Время, показанное в повести отвечает концу пятидесятих годов прошлого века достаточно точно, сексуальные моменты написаны откровенно, но не за пределами допустимого.

© Макаров А., 2015
© Электронное издательство
"Аэлита", 2015

Аркадий Макаров

Хочешь, я тебе Москву покажу?..

© ЭИ «@элита» 2015

* * *

...Квасура получил от богов тайну – как приготавливать сурицу. И она – есть утоление жажды, которую мы имели. И тут Лада, придя к нему, повелела вылить мёд в воду и осушивать его на солнце. И вот Солнце-Сурья сотворило то, что он забродил и превратился в сурицу. И шли мы трудиться, и всякий день мольбы творили, и сурью пили... пять раз в день, и хвалили богов наших радостью.

Из «Велесовой книги»

Обычный здоровый человек, которого обошли корневые болезни, войны и природные катаклизмы, живёт на белом свете в нормальном обществе 80–85 лет, а то и 90, и даже больше: кто какой билет вытянет...

Шестьдесят-семьдесят – это годы напряжённой деятельности, страстей, воспитания потомства, разочарований, пробивания лбом стен. Годы, перегруженные событиями. На детство и школу приходится всего-то 17–18 лет, бездумных и беззаботных. Но почему же с такой нежностью и грустью вспоминается под закат то время, когда и событий-то никаких не было – одна глупость.

Судьбу моего поколения, поколения детей войны, определили поспешное взросление и мужская, ломающая детство, самостоятельность. «Из молодых, да ранние» – говорилось тогда. Беда это, или достоинство – не знаю. Здесь две стороны одной медали по имени жизнь.

Давно это было, а память – жжёт...

* * *

В Бондарях, возле районного Дома культуры, где мы, старшеклассники и оболтусы, обычно толпились по вечерам, жил когда-то дядя Миша, шофёр и балагур. Он был знаменит среди нас, мальчишек, тем, что у него можно легко отовариться папироской, послушать забористый анекдот, посмеяться, поговорить о нашей шепутной мальчишеской жизни, пожаловаться на всегда недовольных учителей, или запросто увязаться в рейс.

Дядя Миша работал на «шаланде» – большой трёхосной машине с длинным железным кузовом, которая называлась «ЗИС» – (завод имени Сталина). Ещё была такая песенка: «Была бы дорожка да новенький ЗИС, и чтоб шофера на шоссе не е...лись».

Дядя Миша возил из дальнего лесничества для нужд района огромные сосновые брёвна. Обычно, садясь за руль, он произносил замечательную сакральную фразу: «Всё будет хорошо!» Потом, поплевав на ладони, хватался за руль, и неожиданно ронял: «Или плохо!» И машина, с глухим скрежетом всех суставов, трогалась с места.

Мы тоже за ним стали часто повторять перед вызовом к школьной доске: «Всё будет хорошо!.. Или плохо...». Учителя недоумённо смотрели и заставляли отвечать строго по существу.

На бондарских наших мужиков, угрюмых и вечно озабоченных, дядя Миша ничем не был похож: ходил и летом и зимой в одной поношенной, но зато модной, вишнёвого цвета кожаной куртке, офицерских галифе с голубой окантовкой, и в тирольской, как рисуют на

старых открытках, шляпе с короткими полями и изумрудным пером; то ли петушиным, то ли, как он клялся, настоящей птицы-какаду из Австралии.

Дядя Миша всегда был в хорошем настроении. Приветлив, приглашал к себе в гости: покурить, попить чайку, поиграть в подкидного дурака, или, когда у нас были деньги, то и в очко.

Деньги водились редко, поэтому игра в очко была крупным событием, и мы, когда садились за карты, играли до последней копейки.

Играл дядя Миша азартно: бросал карты, когда не везло, ликовал, выигрывая, весело метал банк, но играл всегда честно и справедливо. Бывало, и проигрывал, тогда красочно матерился, густо дымил и заставлял снова и снова тасовать колоду порядком потрёпанных карт. Иногда, в конце игры, весь банк снимал дядя Миша, но тогда он возвращал деньги обратно, но с условием, что весь выигрыш будет потрачен на приобретение вина.

Мы ликовали.

По решению родительского комитета, нам, подросткам, в местном магазине спиртные напитки не продавали, поэтому идти за вином приходилось нашему опекуну, что он делал всегда охотно. В результате выигрывали все.

Дядя Миша водку почти не пил, и нам не советовал, а любил только сухие вина.

Наши мужики эту «кислятину» не брали, брезговали, и вино годами стояло, пылясь, в сельповских магазинах.

В те времена продавались только молдавские и грузинские обычные вина, в больших зелёных бутылках с настоящими пробками в сургучной опечатке, открыть которые совсем непросто.

Принесёт, бывало, дядя Миша такую бутылку вина, протянет кому-нибудь из нас с весёлым приговором: «А ну-ка, вскрой бутылку винную, как будто девушку невинную!»

И вот ты сидишь и мучаешься, ковыряя ножом опечатку.

– Э, рановато тебе с барышней, коль бутылку не распечатаешь! – возьмёт такую бомбу в горсть, покрутит, покрутит, и резким ударом в днище выбьет пробку к потолку. – Учись, сынок! – скажет.

И вот уже розовая пенная струя в наших стаканах...

Одним словом, был с нами на равных.

Теперь, по исходу стольких невозможных лет, я задумываюсь: кем для нас являлся этот человек, хотя ещё и не старый, но совсем не молодого возраста, хвативший краешком жизни войну и всё связанное с ней: и гибель товарищей, и загубленную молодость, и неосуществлённую юношескую любовь. Как говорится, хлебнул «и кровь, и слёзы». Наверное, не успел доиграть юность. Он часто любил петь, подыгрывая себе на гитаре, одну и ту же песню про «Серёжку с Малой Бронной и Витьку с Моховой», под которую мы, замолкая, грустно вздыхали. Вчерашняя война бродила в нашей крови.

Дядя Миша редко говорил о своей жизни. Правда, иногда, после нескольких стаканов «кислятины», он намекал, что в конце войны успел побывать сталинским соколом. Летал на прославленных «ястребках». В одном из последних воздушных боёв был удачно сбит, после приземления и выхода на партизанский отряд воевал ещё некоторое время, потом в его действиях дотошные и пристрастные службы нашли необъяснимые моменты, и он после войны отбывал чужой срок в суровых мордовских лагерях. После попал на спецпоселение недалеко от наших Бондарей, в степных бездорожных краях на все четыре стороны, которых – один горизонт.

Правда, всё это уже прошло.

Почему дядя Миша оказался в нашем селе, неизвестно, но соседи говорили, что он, потеряв во время войны всех близких, по дороге из лагеря, проезжая мимо Бондарей, остался здесь, заворожённый тихой прелестью наших скупых на природные красоты мест.

В это можно было бы поверить, если бы не один случай, свидетелем которого я со своим товарищем Пашкой когда-то стал.

Асфальтированной дороги до областного центра не имелось, и в непогодь попутные машины вынуждены были табуниться возле районной чайной, пережидая время. Стояла весна, 1953 год. Всеобщая амнистия. Весёлые люди в серых выцветших телогрейках часто заполняли нашу базарную площадь, громко кричали, пили водку прямо на подножках машин, интересно ругались непонятными словами, дрались, потом обнимались и пьяно плакали.

Такие вот были сцены в те времена на моей улице, которая вела в большой мир. А мы крутились рядом, перенимая жадным и вёртким мальчишеским умом из окружающего пространства, всё, что могло как пригодиться, так и помешать в жизни.

Вот в один из весенних дней мы и познакомились с нашим будущим кумиром возле той же чайной, где он, наверное, уже хорошо отметил молдавским вином свою свободу. Был поздний вечер. Увидав нас возле машины, назвался дядей Мишей, и всё огорошено спрашивал, куда это исчез его баул с деньгами и документами?

Какой баул, и какие документы?

Правда, мы видели, как известный бондарский вор и пропойца Санька Кузуля, только что, воровато озираясь, нырнул с чемоданом в руках за дома, и скрылся там в темноте на огородах. Мы ещё удивились: куда это в такую пору заспешил Кузуля?..

Что делать? Быть доносчиками и стукачами нам не хотелось, но и стать соучастниками кражи ещё хуже, и мы отважились о краже рассказать дежурному милиционеру, отцу моего друга.

Отец Пашки сразу позвонил кому-то, и милицейский «газик», коротко гавкнув сигналом, умчался к дому, где жил тот самый Кузуля. Больше мы этого Кузулю не видели.

Пока раскручивалось дело, пока шло следствие и суд, дядя Миша устроился в лесничество, где у него оказался старый боевой товарищ, шофёром. Вот и остался у нас в Бондарях по случаю. С работы ему помогли построить небольшой щитовой домик, в котором он безбедно стал жить.

Потом и мы к его домику и к нему прикипели так, что почти породнились.

Подлое нелепое убийство дяди Миши в один день в корне изменило во мне всяческое отношение к жизни. Школа для меня стала единственным местом, где я мог по-настоящему чувствовать себя состоявшимся и нужным человеком. Наверное, это и было настоящим взрослением, а не играми. Так из личинки вылупляется неожиданное крылатое существо. Я сразу понял, что жизнь имеет только одно направление движения, и второго круга не бывает.

Такая вот история...

Однажды, на летних каникулах, когда вольным школярам хочется невозможного, а денег нет, дядя Миша пригласил нас поработать в лесу, где намечалась, в связи с пожарами, большая чистка горелого сосняка, и продажа его жителям на разные полезные дела.

Народ, уставший от нужды, теперь, в хрущёвские времена, отстраивался, и сосновый прожаренный на пожаре стояк требовался повсеместно.

– Ну, что, господа онанисты, родители денег не дают, или как? – сказал дядя Миша, одаривая нас только что появившимися в продаже болгарскими сигаретами «Витоша». – Привыкли шары в штанах перекачивать. На лесоповал вас, оглоедов, под топоры и пилы! Чтобы мамкины слёзы могли рублями утереть. Работать давай!

– Работа дураков любит, – сказал мой товарищ, тот, у которого папаша был милиционером. – Работа и раб – слова одного корня.

– Ах ты, умник какой! Учили тебя, Пашка, учили, но, видно, дураком помрёшь. На рабочих мир, как на китах, стоит. А вот цепи каждый куёт себе сам. Кто завтра со мной поедет в лесхоз? Мне молодые руки нужны. Сучья обрубить. Целая деланка строевого леса под пал попала. А нынче каждое бревно в цене. Клондайк! Золотое дно! К сентябрю с деньгами будете.

Родители хоть от вас, оглоедов, отдохнут, – дядя Миша оглядел нас с ног до головы. – Мужики! Кобылу без подставки оседлаете! Ну, кто со мной?

Да, действительно, летние каникулы утомляли бездельем. Дни большие, а деть себя некуда. Огород пропололи. Уже молодая картошка пошла. А тут наш опекун деньги предлагает...

Все пять человек подняли руки.

– Как я на вас посмотрю, вы ещё не всю совесть просморкали! Завтра в шесть ноль-ноль жду у машины. Кто не спешит, тот опоздал. Всё! По домам!

На завтра обрадованная мать собрала мне на первый раз узелок с обедом, перекрестила в дорогу, смахнула слезу и отпустила на работу:

– Вырос! В десятый класс пойдёшь. Костюм нужен. Учебники. Обносился как... – она оглядела меня с ног до головы. – Ну, с Богом!

– Под пилу, сукин сын, не попади! – сказал батя. А был он у меня человеком далеко не сентиментальным. Сам уходил с четырнадцати лет с бригадой плотников на русские севера – рубить избы и строить поморские шхеры.

– Не попаду! – крикнул я, оглядываясь, и бодро зашагал навстречу новой жизни.

Утренним ознобом сквозила улица. Было довольно рано. Солнце как следует ещё не разогрелось, и светило жиденьким светом сквозь перистые облака, оренбургским белым платком раскинутые по горизонту. Волглая пыль за ночь остыла, и лежала на дороге тяжёлая и безразличная к моим шагам. Жара ещё не вошла в полную силу. На крапиве и лебеде, загустевшими по обочине, роса высвечивала запоздалым электричеством.

К моему удивлению, возле «шаланды», кроме дяди Миши, никого не было.

– Рано ещё! – ответил я на его вопросительный взгляд. – Соберутся, небось...

– Рана – у барана! Слабаки твои кореша оказались. Время уже половина седьмого, а их нет. Всё будет хорошо!.. Или плохо... Поехали!

До леса от нашего большого села было километров не менее десяти-двенадцати, и мы всю дорогу ехали молча. Дядя Миша увлечённо крутил баранку, а я с любопытством поглядывал по сторонам, удивляясь незнакомым местам: то берёзовая рощица вяло помашет ветками, то овраг изъеденными ветром и дождями глинистыми отрогами перережет дорогу, то малая речушка встанет на пути.

Мой опекун на рощу не обращал внимания, в овраг спускался на тормозах, а речушку осторожно переезжал вброд. Было видно, что дорога ему знакома и не представляла никакого интереса.

Переехав разом помутневшую речушку, дядя Миша остановился, вылез из кабины, и я услышал, как упругая струя с шумом ударяет в резиновый скат. Следом из кабины вышел и я, решив сделать то же самое.

Дядя Миша оторвал взгляд от парящего в небе коршуна, весело встряхнулся, застегнул брюки и внимательно посмотрел на меня, вроде как оценивая.

– Эге, больше дедова табачок-то! Значит, мужиком стал. Вырос. Возьму, наверное, тебя в долю. Лес продавать будем. С начальством я договорился. Клиентов – море!

Какая доля и что я буду в этой «доле» делать, он мне разъяснять не стал. И мы поехали дальше.

Вот уже зелено заершились деревья, потянуло влагой, глубинной прохладой и мы, раздвигая потемневшее пространство, углубились в настоящий лес. В открытое окно кабины, всё наглея и наглея, старались просунуться пружинистые ветви, с хрустом ломался под колёсами валежник, со всхлипом выплёскивались от прошедшего накануне дождя, бочажки.

«Шаланда», переваливаясь с боку на бок, как на большой волне лодка, остановилась перед чёрным мёртвым простором поваленных деревьев. Кругом одни плоские пни выгляды-

вали из густой после прошлогоднего пожарища травы огромными белыми грибными шляпками.

Было видно, что здесь недавно хорошо поработала пила.

Одним словом – приехали!

Разминая ноги, дядя Миша пошёл вглубь вырубki к поваленным деревьям, останавливался, осматривался вокруг, и снова шёл. Я, спотыкаясь о сучья, следовал за ним, гадая, что у того на уме: уж очень внимательно примерялся он к каждому дереву. Потом дядя Миша вернулся к машине, открыл дверцу кабины и вытащил из-под сидения щекастый с изогнутой ручкой топор, попробовал пальцем жало и передал мне:

– Вот твой основной шансовый инструмент. Держи! Сучья обрубай с осторожностью, не промахнись, топор острый, – потом оттуда же достал ножовку: – А это инструмент мой. Вершки обрезать будем, а корешки – продавать. Усёк!

– А чего усекать? Делать давай! – мне хотелось как можно быстрее показать наставнику ретивость к работе, чтобы он не думал, что взял меня в нахлебники.

– Ты особенно не спеши. Нам здесь месяца полтора торчать. Ты пока примеряйся, а я к Лёшке Лешему проеду. Надо с ночлегом договориться, да и столоваться с тобой где-то надо. Давай!

«Шаланда», раскачиваясь и нещадно дымя выхлопными газами, скрылась за деревьями, а я, поплевав на ладони, перекинул топор с руки на руку и пошёл обрубать сучья.

Работа простая: пропускай ствол между ног и отсекай лишнее, а лишнее, то есть сучья, сваливай в одну кучу – сгодятся зимой в печь. О газовом отоплении я только читал в книжках.

Топор острый, руки молодые, цепкие, размах хороший – чёк, чёк, чёк! И вот уже сосновый ствол, освободившись от веток, сиротливо тонет в траве. Потом другое бревно, третье...

Незаметно прошло время.

Тяжело всё-таки. Сел на пень, достал выкраденной отцовской махорки, оторвал газету и закурил, по-мужски пуская из кулака дым. Отдыхаю. Хорошо в лесу! Даже здесь, на месте прошлогодней гари, грибная влажность травы будит ещё неосознанные чувства.

Лес для меня – вроде волшебного сказочного мира. Иван Царевич с Еленой Прекрасной на Сером Волке, в любовном порыве обгоняя время, скачут где-то здесь, рядом, вон за той горкой, в зарослях каких-то неведомых мне растений, или вот за рябиновым кустом, чудом сохранившимся после пожара и тёмной зеленью выделяющимся на фоне раскинутых обглоданных огнём ветвей.

Я родился и жил в степном, продутом всеми ветрами посёлке, когда-то славившемся первой в России суконной фабрикой, построенной ещё при царе Горохе беглыми крепостными людишками, осевшими здесь по велению государя из-за острой нужды в рабочих кадрах. Фабрика дымила красной трубой, станки сучили пряжу и ткали сукно, рабочие ладили ткацкие машины. Русь жила.

После войны 12-го года на фабрике работали и пленные французы, вот потому, наверное, такие живописные лица бондарских обитателей.

Интересно название села – «Бондари», хотя никогда у нас не делали перехваченных крепкими обручами бочек, кадок под хлебную квашню или лоханей для скота. Бондари и Бондари! Мало кто задумывался над пришедшим в степной край названием или, как теперь говорят, этимологией слова.

Раньше, когда на берегу нашей малой речки Большой Ломовис начиналась строиться фабрика, сельцо имело имя Анастасиевка. Первый владелец фабрики Леон был французским бароном: «Бон пари, бон пари!» – говорил он, оглядывая туманные дали. Вот, наверное, и прижился переименованный на русский лад французский восторженный выдох.

Мои глубокие размышлизмы прервал рёв нашей «шаланды», под колёса которой то и дело попадались спрятанные в густой траве сучья. Чихая и харкая густым чадом, машина остановилась возле меня.

– Тпру, приехали! – ловко спрыгнул с подножки дядя Миша.

– Только присел перекурить, – начал я оправдываться, – вон сколько брёвен навалял!

– Ладно, не блажи! Поедем обедать к Лёшке-Лешему! Я уже договорился: ночевать будем на сеновале, а столоваться у него, у Лешего.

– Мне мать вот узелок собрала... – я показал дяде Мише свой завёрнутый в холстинку обед.

– Оставь здесь, пригодится! И – айда к Лешему!

Лесник жил километра полтора-два от нашей делянки. Большой рубленый дом на залитой солнцем полянке всеми четырьмя окнами дружелюбно посматривал на нас, когда мы вылезли из кабины.

Дядя Миша, обходя «шаланду», постучал носком кирзового сапога по всем колёсам, подтянул на брюках ремень и зашагал к дому.

Я, бросив разглядывать над дверью выкрашенных белой краской целующих фанерных голубков, заспешил за ним. Очень уж мне хотелось увидеть этого Лёшку Лешего – и боязно, и любопытно.

В доме было прохладно и сумеречно, пахло чем-то незнакомым, но очень вкусным, отчего пришлось быстро сглотнуть набежавшую в рот слюну.

Лёшки Лешего не было. Нас встретила приветливая улыбающаяся женщина в просторном летнем сарафане. Сарафан в красных больших маках держался на одних бретельках, отчего её мягкие голые плечи так и лезли в глаза мне, школьнику, вороша совсем неподходящие для этого случая чувства.

– Ну, чего стоите? Всё готово, садитесь за стол! – женщина указала на лёгкую занавеску на дверном проёме, за которым и была кухня.

Мой опекун подтолкнул меня в спину, мол, на что глаза тарачишь? Молокосос ещё! Иди к столу!

На просторном покрытом клеёнкой столе стояли две алюминиевые миски, плетёная корзиночка с хлебом свойской выпечки, деревянная крашенная росписью солонка, и две тоже деревянные и тоже расписные под спелую землянику, ложки.

– Садитесь, садитесь! Я – враз! – хозяйка достала небольшим ухватом из свежесвыбеленной русской печи чугунок, прикрытый вместо крышки маленькой сковородкой, поставила на стол, сняла сковородку, и оттуда, черпая из огнедышащего чрева, стала разливать по тарелкам пшённый суп с грибами.

У нас в Бондарях грибы знали только солёные, привезённые на базар из подлесных деревень в небольших деревянных кадушках. Такие грибы мне никогда не нравились: солёные, осклизлые, почерневшие в рассоле, они были жёсткими и кислыми на вкус. А здесь густой неведомый запах ощущался даже гортанью.

Подув в наполненную ложку, я только попробовал втянуть в себя этот умопомрачительный грибной суп, но тут же задохнулся: на кухню влетело, нет, впорхнуло и зашелестело крыльями, существо ослепительное, яркое и недоступное, как дорогая игрушка в городском магазине. Выше колен лёгкое платьице, взбитые белокурые волосы, мохнатые оттенённые чернью распахнутые ресницы; в яркой влажной помаде губы, наверное, могли бы сразить наповал кого угодно, а не только меня, мальчишку, всего пару месяцев назад перешедшего в десятый класс.

Дядя Миша легонько постучал меня по спине, отчего я закашлялся ещё сильнее.

Существо, увидев незнакомых людей, остановилось.

Вероятно, моё положение было настолько смешно и нелепо, что девушка всплеснула руками и весело рассмеялась:

– Приятного аппетита!

– У нас и без аппетита всё летит! – выручил меня наставник, пока я, заслоняясь рукой, прокашливался.

– А это моя племянница! – пропела хозяйка, оглаживая со спины девушку. – Ладой величают! Ладненькая наша! Студенточка наша! Артистка! В Москве учится! Вот, погостить и крёстную попроведовать приехала... Скушно ей тут! Ты бы, парень, – обратилась она ко мне, – молодой, подружился с ней. Она на всё лето приехала, а здесь лес, медведи да волки одни. Поговорить не с кем...

– А ничего и не скучно! Ежевику вот собирала! – девушка, как в танце, сверкнув плотными икрами, легко повернулась и появилась снова с берестяной корзиночкой, наполненной ягодами, похожими на малину, только чернильного цвета. – Угощайтесь! – и поставила берестянку на стол.

– Наши работнички только сели. Не смущай! Пусть пообедают! – и хозяйка с племянницей вышли из кухни.

Таких ягод у нас не росло, и я с любопытством прихватил одну. Кисло-сладкий вкус – и ничего более! Подумаешь – ягода! И я с удвоенной энергией стал работать ложкой, упираясь глазами в миску, хотя передо мной – не сморгнуть! – стояло и стояло волшебное создание с крепкими загорелыми икрами, и в таком лёгком платье, что голова кружится.

Потом хозяйка принесла махотку молока и миску румяных пирожков:

– Кушайте! Пирожки с черникой, на любителя. Наша Лада их обожает!

Не знаю, как её Лада, но пирожки я видел только по большим праздникам. Не тучные ещё стояли времена у нас в Бондарях, да, наверное, и во всей стране тоже.

После такого обеда и нескромных мечтаний сразу расхотелось работать. Дядя Миша понимающе посмотрел на меня и, кивнув головой, позвал за собой в дощатый сарай, крытый потемневшей от времени щепой:

– Как говорил твой друг – работа не Алитет, в горы не уйдёт. Так, что ли? – подтолкнул он меня в спину.

– Да ну его, Пашку этого! Ленивый, как трактор!

– Да? – обернулся ко мне дядя Миша. – Ты думаешь?

Я стал оправдываться: почему сравнивал трактор с Пашкой.

– Трактор тоже, пока не заведёшь – не поедет!

– Это уж точно! Лезь! – показал мой опекун на лестницу, приставленную к чердаку сарая.

Вспугнув воробьёв, я залез на чердак и осмотрелся. Там, на ворохе сена, ещё хранившего запахи подувянувшей травы, расстелены две постели с подушками в мелкий цветочек.

На одну, сморённый недавней работой и сытным обедом, я так и повалился, напрочь позабыв все свои видения.

Разбудил меня толчок в бок:

– Вставай, работник! – мой наставник по жизни стоял, загородив вламывающееся в чердачный проём безжалостное солнце. – Пошли!

На делянку теперь шли пешком:

– Нечего машину гонять порожняком! Разомнёмся, давай!

– Давай! – говорю я, семена за ним.

Дядя Миша идёт широким шагом, топор за поясом, в ладонях ветер. У меня большая с широким лезвием ножовка всё норовит зацепиться за штанину. В лесу прохладно, хорошо, так и свернулся бы калачиком вон под тем кустиком.

– Не отставай! Шире шаг, головку выше! Взмах руки! Ноги не слышу, Стой, как хрен! Коси на левый глаз! В армии знаешь, как? – разговорился, подбодряя меня, не успевшего скинуть полдневную дрему, старший товарищ, – Спи, бодрствуй!

Незаметно подошли, если продолжать армейскую терминологию, к открытому фронту работ. Вон они, вражеские солдаты, залегли в наших густых молочаях! Но это так, образно. В лесу молочай не растёт, а растёт разнотравье. Но молочай почему-то мне был ближе. Он, паразит, недавно все руки исколол, пока я картошку пропалывал.

Работать не хочется только тогда, когда ты её не начал. А как только втянулся, то работа сама ведёт тебя, особенно когда тебе семнадцать лет и силы сливать некуда. Только хруст веток, только взмах топора, только щепка в стороны. За спиной остаются краснокожие, местами в чёрных угольных отметинах, брёвна. Дядя Миша, ловко орудуя ножовкой, обрезает верхушки, придавая дереву товарный вид. Работа не дураков любит, а таких, как мы – удачливых мужиков, сильных и ловких.

Дядя Миша подбадривает:

– Давай, давай, делай, голубок белай!

Нет ничего лучше, когда работа веселит, когда, слизнув капельку пота с губы, садишься на пенёчек, похлопываешь по карманам – совсем мужик! – достанешь сложенную гармошкой газету, отрываешь полоску, щепотью сыплешь жёлтую крупку табака, лизнув языком краешек листика, свёртываешь самодельную сигарету, подносишь зажжённую спичку и сладко затягиваешься, выпуская в посвежевший вечерний воздух крутой пахучий дым.

Ничего, что это вредная, пагубная привычка, но ведь хорошо-то как походить на старшего товарища! И невдомёк тогда, что во всём угадывается обезьянья склонность к подражанию, сущность попугая, подростковая зависимость от авторитета.

Дядя Миша на мои потуги казаться взрослым смотрел снисходительно. В те времена курево было неотъемлемой частью мужского бытования. «На, кури! Накуривай шею до мосла!» – говорили в таких случаях щедрые на табачок мужики.

Вечер в лесу ложится быстро. Вот уже потянуло по подолу трав сыростью, притих птичий гомон, только иногда где-то далеко-далеко всполошённо закричит дурная птица, опомнившись, что пора лететь домой, в гнездовье, пора собирать под крыло зевластых желторотых птенцов.

Вот и нам тоже пора под крыло гостеприимного дома.

...Лёшка Леший сидел на скамье за столом с врытыми в землю ножками.

И скамья, и стол сбиты из тяжёлых необструганных досок, потемневших от времени и непогоды, и сам хозяин сидел тоже крепко, положив тяжёлые узловатые ладони перед собой. На лешего он совсем не похож, только белёсые выгоревшие волосы, да такого же цвета усы на почерневшем от солнца лице говорили о постоянном пребывании на природе, на воздухе, под открытым небом.

Перед Лёшкой Лешим стояла большая глиняная чашка отварной картошки и рядом широкая сковорода густо дымящихся жареных грибов. Отдельно, в сторонке, стоял гранёный с высокой стеклянной пробкой графин: то ли с водой, то ли с водкой, а может, с самогоном. Скорее всего, с самогоном, потому как воду сельские жители в графинах не держат, а водка – не с руки, за ней надо ехать да ехать. Зачем пить казёнку, когда свой самогон – вот он!

– Ну и нюх! – радостно потирая руки, встретил нас хозяин. – Прямо к ужину подоспели! А я всё ждал, думал: картошка остынет, какой тогда ужин? А они – вот они! Давай к столу!

– Щас, руки всполоснём! – вставил я на правах равного среди равных.

Хозяин засмеялся:

– Видал? Прицеп, а тоже порядок знает! Кто же это с тобой такой самостоятельный?

– Да есть один... – и дядя Миша пошёл в избу мыть руки.

Я за ним.

– Лада, девочка, – пропела в сенцах хозяйка. – Иди ребятам воды полей! – и уже к нам: – Вернулись, труженики?

– Почин сделали. Завтра пораньше начнём да попозже кончим, глядишь, и дело пойдёт! А сегодня – так, разминка, – дядя Миша снял рубаху и, поигрывая мышцами, встал перед хозяйкой кочет кочетом. – Полей на руки сама!

– Ох, Михаил, Михаил! Лёшка тебе так промеж глаз польёт, что от брызг не сумеешь утереться.

– Шучу, шучу! Лада, девочка, – передразнил он хозяйку, – полей ребятам на руки!

В коротеньком шёлковом халатике, стянутым только поясочком, появилась в дверях крестница хозяйки. По ленивым припухшим глазам видно, что она только что проснулась.

Постояла, сладко потянулась, да так, что в узком запахе халатика сверкнули не успевшие загореть на летнем солнце полные белые наливы.

Такое видеть мне ещё не приходилось. Мои ровесницы, худосочные, костлявые, даже раздетые, на речке, не вызывали никаких чувств. Лахудры бледнотелые! А здесь – сливочное масло на сдобной булочке! Я даже вдруг набежавшую слюну сразу не смог проглотить. Так и стоял, пялясь, пока дядя Миша не подтолкнул меня к ведру:

– Давай первый!

Снимать рубаху я постеснялся. Перед дядей Мишей я бы выглядел слишком незащищённым.

Наставник решительно стянул с меня рубаху и сунул меня под щедрую струю воды.

Нагнувшись, я подставил ковшиком ладошки, непроизвольно косясь на близкие, и, казалось, доступные колени.

Вода ледяная, только что из колодца, сразу смахнула все мои видения. По рукам, по спине, по лицу – словно кипятком полоснули.

– Ух, ты! Ещё! Ещё!

Умытые и степенные, мы уселись к хозяину за дощатый стол.

– С почином тебя, Михаил! – Лёшка Леший поднял гранёный стаканчик, показывая на другой, стоящий перед моим опекуном. – Давай!

Дядя Миша смущённо кашлянул в ладонь:

– Больно крутой у тебя самогон! Может, твоя Марья вишнёвой настойки принесёт? Ум один, а не настойка! В голове пошумливает, а ногам легко, как в танце.

– Ну, вот! Видишь? Я тебе говорил: женись! А ты – потом да потом! Марья! – кричит он жене. – Гони на стол вишнёвку! Михаил набаловался своей кислятиной, теперь моего самодёра пить брезгует. Мужик тоже... – Лёшка Леший шепотью кинул в рот стаканчик и, не закусывая, поставил на стол и снова наполнил. – Ну, ты как, освоился с вырубкой? А то меня клиенты подгоняют, говорят: «Давай лесу, лето пока, стройка не ждёт!»

Дядя Миша блаженно потянулся так, что хрустнуло в плечах, и уронил жёсткие кулаки на стол:

– Через недельку пусть подъезжают. Подготовлю брёвна к погрузке и – давай!

Тем временем с крыльца соскользнула племянница хозяйки и, раскидывая нетерпеливыми коленями полы халатика, спешно поставила на стол трёхлитровую банку, запечатанную металлической крышкой, и сама села рядом со мной.

– Вот это – дело! – дядя Миша повертел банку в руках, оценивая содержимое.

Хозяйка принесла большие, похожие на стеклянные пузыри, рюмки-фужеры, консервный нож-открывалку, и тоже присела к Лёшке Лешему, мужу своему, напротив нас.

Подала открывалку моему наставнику:

– Распечатывай, ты вроде ловкий на это дело! Прошлогодняя ещё. Вишни было... Уйма!

Настойка, густая до черноты, разлилась по фужерам.

Крестница тётки Марьи, потянувшись к посуде, краешком локотка задела мою руку.

Я судорожно схватился ладонями за краешек скамейки. Очень близко, совсем рядом, вдруг почувствовался удивительный, ещё не известный мне запах молодой женской плоти. В

душном вечерющем воздухе этот запах пота и духов задел моё воображение так, что я замер, опасаясь неловким движением вспугнуть эту чудесную порхающую бабочку.

Бабочка протянула один наполненный фужер мне:

– Отпусти скамейку, не убежит! Возьми вот! Это тебе можно, мамки тут нет.

– Ой, девка, не спаивай мальчика! Вино хоть и сладкое, а всё-таки вино, – тётка Марья укоризненно посмотрела на племянницу.

Мне стало так стыдно за свой возраст, что я, отпустив скамейку, двумя руками ухватился за тонкую стеклянную ножку фужера.

Девушка засмеялась:

– Не бойся, не отнимут!

Меня поддержал повеселевший дядя Миша:

– Он мой напарник! Прошу не обижать!

Лада, как звала её хозяйка, прислонила краешек фужера к моему:

– Ну, тогда пей!

Домашнее вино было вовсе и не густым, как сперва показалось, но достаточно резким, и слегка отдающим миндалём дроблёных вишнёвых косточек. Рука сама потянулась к вилке. Маленький упругий грибок, прыгнув в рот, восстановил вкусовое равновесие. Хорошо! Только жарко очень.

Лёшка Леший, махнув рукой, налил себе полный фужер самогонки и поднял руку над столом:

– Завтра на совещание ехать! Там трезвому леснику не поверят. Давай! – было видно, что он уже порядком захмелел, и теперь его душа жаждет повторения пройденного.

Выпили ещё, и – воспарили! Заработали, засновали руки. Картошка в сливочном масле и грибы сами просили – добавить.

Вишнёвая настойка заметно поубавилась. Хозяйка, молодо раскрасневшись, всё пыталась и пыталась отстранить прядь волос, которая снова опускалась к подбородку, заслоняя лицо.

– Может, споём чего-нибудь? – тётка Марья, весело посмотрела на дядю Мишу и, вызывающе прислонившись к мужу, затянула пронзительным голосом, который, вспугнув наступившие сумерки, улетал далеко-далеко:

– Вот кто-то с горочки спустился.
Наверно, милый мой идёт.
На нём защитна гимнастёрка,
Она с ума меня сведёт.

За женой, покачивая опущенной головой, подхватил и Лёшка-Леший:

– На нём погоны золотые
И яркий орден на груди.
Зачем, зачем я повстречала
Его на жизненном пути!

Лада, коротко хихикнув, положила руку мне на плечо и, повернувшись, заглядывая в глаза, продолжила высоко и чисто, как тётка Марья, но, заметно, без её душевности:

– Зачем, когда проходит мимо,
С улыбкой машет мне рукой,
Зачем он в наш колхоз приехал,

Зачем встревожил мой покой!

И уже совсем, куражась:

Его увижу – сердце сразу
В моей волнуется груди...
Зачем, зачем я повстречала
Его на жизненном пути!

Эту протяжную песню послевоенных лет я часто слышал от родственников на небогатых сельских застольях, и она почему-то всегда вызывала во мне печальный образ наших деревенских вдов, оставшихся сиротеть на русских просторах: «Вот кто-то с горочки спустился. Наверно, милый мой идёт. На нем защитна гимнастёрка, Она с ума меня сведёт...»

Теперь опять защемило сердце, в глазах защипало, стало горько за чью-то безответную любовь: «Вот кто-то с горочки спустился...»

Лада (вот древнее имя!) стала притворно вытирать мне лицо своим душистым до умопомрачения платочком, тихо уговаривая:

– Ну, не надо, маленький! Не плачь! Я тебе потом обязательно дам!

Её такая забота вдруг разозлила меня:

– Я сам! Сам! И я – не маленький! Мне ничего не надо! – и вырвавшись из мягких девичьих рук, убежал на свой чердак, так и не спросив, когда и что она мне даст.

На чердаке, нырнув под одеяло, я ещё долго плакал неизвестно от чего, и злился: на себя, на вечер, на это застолье, на неизвестную, но такую красивую и, как мне казалось, доступную столичную гостью. «Подумаешь, артистка, – твердил я, проглатывая обиду, – все они такие!»

Хотя, какие – «такие», я и не представлял. Знания в этом вопросе пока ещё не было у меня, недоросля деревенского! Но опыт – дело наживное.

Проснулся от тихих смешков и потаённых всхлипов. Несколько раз скрипнула сенечная дверь и вот уже, застилая предутренний свет в проёме чердака, появился дядя Миша, что-то пробормотал и, густо ухнув, повалился рядом на постель, и тут же захрапел. Было видно, что он только что выполнил какую-то тяжёлую важную работу, и устал невероятно.

Разбудил меня жаркий солнечный луч, который, судя по всему, давно ощупью хозяйничал на чердаке. Дядя Миша, отрешённо закинув голову, дышал редко и глубоко. Было видно, что его будить не надо. Пусть отсыпается! И я стал спускаться по лестнице.

Тётка Марья хлопотала во дворе: что-то переставляла с места на место, что-то относила в дом. По её рассеянному виду можно было понять, что она только что потеряла какую-то вещь и не может никак найти.

– Поздновато, работнички просыпаетесь! Зови своего! – так в сердцах и сказала – «своего». – Завтрак второй раз разогревать не буду. Сони! – и ушла, сердясь на кого-то, в дом.

Я снова полез на чердак.

– Слышал, слышал! Встаю! – дядя Миша, застёгивая на ходу брюки, уже показался в чердачном проёме. – Завтрак – это хорошо! Это мы – враз!

В открытых окнах лёгкий ветерок лениво шевелил цветистые занавески. От одной мысли о том, что там, за занавесками, в тёплой постели лежит моя вчерашняя обидчица, сладко защемило в груди.

– Дядь Миша, пошли, а то всё остынет! – подгонял я старшего товарища, когда тот, что-то вспомнив, полез в машину и стал там долго копаться.

– Придётся нам с тобой сегодня здесь на поляне остаться. Завтра шаландой будем брёвна таскать. Клапана почищу, масло сменю, лебёдку проверю, чтоб не подвела, – он, спрыгнув с подножки кабины, вытер ладони ветошью, и мы пошли к столу.

Теперь завтракали на улице.

Остывающая яичница с кусочками сала издавала умопомрачительный аромат на свежем лесном воздухе, оттеняя своим присутствием все остальные запахи, которые обычно присутствуют в утреннем лесу.

Тётка Марья молча поставила на стол запотевшую махотку с молоком, и повернулась было уходить.

– Мария, – мой напарник посмотрел на меня, зачем-то подмигнул, и громко, чтобы слышали в доме, спросил: – Мария, Алексей что, уже уехал?

И «Мария», и «Алексей» – вместо обычных: «Марьи» и «Лёшки» звучали как-то казённо, фальшиво. Я, фыркнув, уткнулся в яичницу.

– Уехал! Чуть свет уехал, и меня не разбудил. Теперь всю неделю с дружками-лесниками пить в городе будут. У них так заведено: как совещание, так – пьянка. Отстегнут начальству каждый со своего участка денежку – и в загул. А что делать? Лето! Зимой дома насидится. Иной раз по неделям наружу не выходит. Покормит скотину, и снова на бок. Погулять всякому охота. Вот хоть тебя взять... – тётка Марья хотела что-то сказать, но, вспомнив, что разговорилась не по делу, махнула рукой и ушла в дом.

Мы с дядей Мишей, понятиливо переглянувшись, споро заработали вилами.

От щедрот нашей хозяйки осталось только молоко на доньшке махотки да несколько кусочков домашнего хлеба, которого мне так и не удалось доесть, хотя белый хлеб у нас в Бондарях был только по праздникам.

Ничего, жить можно! Что бы я сегодня делал дома? Огород полон, или воду таскал для поливки, или ещё хуже – помогал бы отцу кизяки делать.

Кизяки – это что-то вроде хлебных буханок – голландку зимой кормить. Зимой печь всегда голодная. А летом замесишь на воде ногами навоз с остатками соломы, промешаешь как следует – и в формы трамбовать. Из форм – на солнце – вот и все дела! Кизяк потом сухой делается, аж звенит! Ешь – не хочю! Придёшь со школы, телогрейку с плеча закинешь на полати, и – к печке!

Что такое полати? Ну, это совсем просто! Самое уютное место в доме. Лавка из досок, или лучше – лежанка между печью и стеной дома. Там, как у Христа за пазухой! Подкинешь в топку пару-тройку буханок, печь от кизяка горячо задышит, раздобреет до того, что ладони не прислонишь. В доме тепло, уютно, кот возле ног трётся...

Вспомнив про дом, я слегка загрустил. Вроде вчера только уехал, а кажется, прошла целая вечность.

– Что затужил, атаман! Пойдём, покурим в холодок – и я машиной займусь! А ты отдыхай! Сил набирайся! Завтра у нас работа потуже вчерашней будет.

За сараями трава – по пояс. Присядешь на корточки – никого не увидишь. Хорошо. Тихо.

Невдалеке, погромыхивая цепью, пасётся хозяйская корова. Бока у неё, как бубны. Кажется, только прикоснись, и они загудят торжественную музыку лету, солнцу, обилию пищи...

Корова выщипала вокруг себя небольшую поляну, и теперь, подогнув передние ноги, умащивается завалиться набок, но запутавшаяся в ногах цепь к которой она привязана, не даёт ей полную свободу. Я подошёл, перекинул на другую сторону привязь, и корова, благодарно мыкнув, улеглась на свою тень, как на подстилку. Она тяжело, по-бабьи вздохнув, обмахнулась мочалистым хвостом и прикрыла белёдые выгоревшие на солнце ресницы. Отдыхай, родимая!

– Дядь Миш, а почему нашего лесника Лешим зовут? Он совсем не похож...

– А ты что, лешего видел?

– Не-е. Но всё же...

– А не видел – не говори! В партизанах Лёшка был. Я сначала, как меня сбили, к ним в отряд попал. Потом особисты меня оттуда вытащили. А Лёшка – белорус. Леший. Кличка

у него такая. Он ведь лес, как свои пять пальцев знал, вот товарищи и прозвали его Лешим. Заманивал немцев в болота со всей техникой, а там их партизаны и колошматили. Отчаянный мужик. И Марья с ним партизанила. Ты не смотри, что он такой тихий. В тихом озере самые черти водятся.

Из-за угла сарая выпорхнула заспанная девушка со старинным славянским именем – Лада. Глаза припухшие, причёска смята на одну сторону, распах халатика небрежно придерживается рукой, да так, что краешек голубых трусиков предательски выглядывает из-под ладони. Увидев нас с дядей Мишей, тут же повернула обратно.

– Ты особо-то не засматривайся! Не по Сеньке шапка. Ей король-олень нужен! А ты губы расслюнявил. Все они одной породы! «Кака барыня ни будь, всё равно её е...ть!» – философски определил дядя Миша. – Представь себе, как она в туалет ходит, и вся твоя любовь, как дым испарится. Артистка! Ох, артистка! – то ли с восхищением, то ли с укоризной вздохнул мой циничный наставник.

От его слов мне сразу стало как-то нехорошо и скучно. Ну, что за человек! Всю песню испортил!

Не зная, чем заняться, я пошёл к дому, где тётка Марья, простирая над головой полные мокрые руки, вешала сушиться бельё, которое горкой лежало у ног в большом обливном тазу. Одна рука придерживала простынку, а другой пыталась прищепкой прицепить её к бельевой верёвке.

– Может, я помогу?.. – неуверенно подошёл я к хозяйке.

– Ах, помощничек! Вот спасибо! На-ка, цепляй, а я бельё вешать буду! – она сунула мне в руки горсть прищепок. – Вот какой жених моей крестнице нужен, а не эти городские!

Какие такие «городские», она распространяться не стала, и мы с ней очень быстро расправились с бельём, которое, слегка обвиснув, вольно заколыхалось на ветерке.

– Тётя Маша, а зачем вы корову на цепи держите? В лес бы её отпустили. Там травы – море! – я показал рукой, сколько в лесу травы.

– Её там волки зарежут! Зимой у нас собаку порвали. Хороший пёс был...

Подошёл дядя Миша. Постоял. Поднял опустевший таз. Посмотрел куда-то вверх сосен, и спросил мимоходом:

– Ветошки бы мне! Свою шаланду подремонтировать надо. Масло сменить. Фильтры почистить.

От недавнего озабоченного вида тётки Марьи и следа не осталось. Она нырнула в сени и вышла оттуда с ворохом разного тряпья:

– Вот! Выбирай, что взглянется!

Отобрав несколько ветошек, дядя Миша пошёл к машине, поднял капот, нырнул головой в его чрево и загремел там ключами.

Вышла из дома сама Лада. Действительно – «Лада». Ладная, стройная, изящная до невозможности! В руках она держала маленькую лёгкую корзиночку, сплетённую из гибких ивовых прутьев. Теперь причёсанная, умытая, свежая, как росинка, девушка стояла передо мной, насмешливо пританцовывая точёной ножкой:

– Видела, видела, как ты бельё вешал! Женишок! На деревне все девки твои будут! Ну, не дуй губы! Пойдём со мной чернику собирать! Ага? Я тут одну поляну знаю. Ковром ягода!

Всю мерзость дяди Мишиных слов как ветром сдуло! Чистенькая, нарядная, красивая, в платице с белыми кружевчиками, она и впрямь походила на старинную фарфоровую куклу, которая с незапамятных времён стояла у нас дома возле зеркала.

Как не пойти? Пойду! В лес! В самую чащобу! На волчьи зубы, на медвежьи объятья!

Я уже представил себя в роли удачливого Ивана-Царевича. Рисовал в своём воображении – как буду спасать это чудесное создание от всей чертовщины, которая, возможно, до сих пор обитает в гуще леса, в самых его непроходимых дебрях.

– Дядь Миш, ну, я пойду?

– Ну, иди! Иди! – с каким-то предупреждением, не поднимая головы, обронил мой старший товарищ, вытирая ветошкой мазутную деталь.

В лесу дорог нет. Куда глаза глянут – там и зелёное царство Берендея. Языческие капища лесных духов.

Душа леса – в дереве. А в любом дереве – скрипка. Как писал русский забубённый поэт Павел Васильев:

«Смелее, ветер, песни начинай,
перебирая струны сосен!»

Это потом у меня созрело такое отношение к лесу, а тогда что? Лес как лес, деревьев только многовато. Обернёшься, а там опять деревья! Заблудишься в два счёта. Впереди мелькает платице, как заманка волшебная. Не потерять бы...

Девушка идёт быстро. Места ей знакомые. Было видно, что ходила сюда не раз и не два. Показать хочет, что ей тут всё нипочём. Догоняю. Путаюсь в траве. Разбил о пенёк большой палец на ноге. Хромаю.

– Лада, подожди!

– Ты меня больше Ладой не называй, противный мальчишка! – она остановилась и строго посмотрела на меня. – Я – Маргарита! – она задрала вверх хорошенькую головку. – Королева Марго! Знаешь морскую песенку:

«...Девушку там звали Маргарита,
чёртовски красивая была.
За неё лихие капитаны
выпивали не один бокал».

– Знаю, знаю! – я подхватил вслед за ней:

«Маргариту многие любили,
Но она любила всех шутя.
За любовь ей дорого платили.
За красу дарили жемчуга...»

Ладно, я тебя всегда буду звать Маргаритой. Совсем как в песне о девушке, которой платили за любовь.

– Ах ты, распутник, циник какой! Ну, пусть будет так: *«За любовь ей дорого платили. За красу дарили жемчуга!»*

Она опять, пританцовывая, пропела это так задорно, что мне тоже захотелось выпить за неё, за девушку Ладу, за Маргариту и за тех моряков, которые:

«Идут, сутулятся,
вливаясь в улицы.
И клёши новые полуметровые,
и ленты чёрные полощет бриз.
Ха-ха-хаха-хаха!»

Такие песни мы с ребятами особенно любили распевать, продирая горло табачным дымом на бондарских ночных улицах. Дурачились, как могли.

Я и не предполагал, что эта незабудка, фея, ландыш весенний, ромашка полевая, тоже любит романтику кабацких портовых драк:

«И кортики достав,
забыв морской устав,
они дрались, как тысяча чертей...»

– Маргарита, – я подержал её за руку, – а ты правда артисткой будешь?

– Вот что значит колхозное воспитание! Не артисткой я буду, а ак-три-сой! – произнесла она по слогам. – Слышишь разницу? Ак-три-са! У нас в московской «Щуке» на артисток не учат. У нас все – актрисы!

Это слово меня так заморозило, что я с нескрываемым восхищением посмотрел на неё. Надо же – актриса! Что-то высокое, недостижимое, из языка небожителей в этом звуке. Актриса Уланова, актриса Русланова, актриса Орлова, Целиковская...

А тут, вот рядом со мной, тоже будущая актриса Лада, Маргарита, королева Марго.

«Маргарита», московская «Щука», «Актриса» – слова-то какие завораживающие! Рядом с ней я и сам себя зауважал невероятно.

В лесу всё открывается неожиданно.

Неожиданно перед нами открылась полянка, небольшая, но вся покрытая сизыми с дымчатым налётом круглыми ягодками на стелющихся кустиках с резными листочками.

– Это черника! Видишь, сколько? – Она опустила на корточки. – Давай собирать!

– Давай! – говорю я, и тоже присел, напротив, с другого конца полянки.

Переступая по-гусиному, мы, пачкая чернилами руки, стали собирать эту чудесную лесную ягоду – одну в корзиночку, две в рот. Сладко ка-ак! Невозможно!

Подол летнего платья на коленях у Маргариты взбился, показав моим лукавым глазам всё, что должна прятать любая разумная девушка.

Женская близость невозможного, открытость её слегка раздвинутых бёдер, обеспокоили меня невероятно. Я, поглядывая на эту роскошь, тут же забыл и про ягоду, и про свой незадачливый возраст, и про то, что меня ждёт нелёгкая завтрашняя работа с дядей Мишей. Кажется, я забыл и самого себя.

Заметив мой жадный взор, Маргарита, повернув ко мне голову, погрозила пальчиком:

– Чернику пропускаешь! Смотри, сколько ногами перемял! – потом, поднявшись, отрянула подол. – Сладкая ягодка-то?

Я ничего не смог ответить пересохшим ртом, только отвёл глаза в сторону и машинально зашарил руками по черничной поросли. Стало невыносимо жарко и тяжело дышать, словно я без передышки шёл и шёл в гору.

– Ах-га! – насилу выдавил я, и тоже встал на ноги.

– Пошли! Чем дальше в лес, тем больше ягод!

– Может, дров? – осторожно поправил я её.

– Не дров, а палок! – она подняла сучковатую ветку, оборвала на ней листья и, зацепив свою корзиночку с ягодами, подняла на плечо, потом весело посмотрела на меня, сделала на лице робкую детскую улыбку – и сразу стала похожа на Машеньку из русской сказки о трёх медведях.

Солнце, от сосны к сосне, потихоньку-полегоньку, по колючим кронам вскарабкалось на самый верх, и теперь, расвирепев, палило оттуда невероятно. Казалось, в просветах между плавно плывущими вершинами оно проворной белкой перескакивало туда-сюда, но, приглядевшись, я понял, что солнце остановило свой бег и стояло на том же самом месте, почти в зените.

Может, от того, что я долго рассматривал вершины сосен, а может, от горячего смолистого запаха, которым наполнен лес, стала кружиться голова, и мне страстно захотелось упасть на землю и лежать так до той поры, пока зной не уляжется в травы.

Маргарита потянула меня за рукав:

– Пойдём к роднику! Он здесь недалеко.

Что оставалось делать?

– Пойдём...

Да, действительно, впереди нас ждала большая поляна с россыпью такого обилия земляники, что мои минутные слабости сразу испарились, и я, опустившись на колени, стал собирать горстями сладкие рубины и отправлять их в рот, утоляя распалывшую меня жажду. Маргарита тоже последовала моему примеру. Вдвоём мы быстро наполнили и её корзиночку, и я, пересыпав туда ещё пару горстей, поднялся, оглядываясь вокруг себя.

Поляна плавно спускалась к логу, на дне которого, продираясь сквозь заросли лозняка, струился маленький ручеёк; прохлада его явственно ощущалась и здесь, на этом склоне.

Скатившись вниз, я увидел, как из-под склона, где я только что наслаждался ягодой, из врытой стальной трубы, по-кошачьи журча и мурлыча, истекала тонкая струйка воды, размывая под собой песчаник.

Подставив ладони, я сладострастно пил и пил ледяную до ломоты в зубах воду и никак не мог напиться.

Осторожно ступая маленькими ножками по скользкой траве, в ложину царственно спустилась и Маргарита, присела рядом на корточки, и тоже собирая в изящные ладошки воду, стала с наслаждением пить.

Вода неисчислимо струилась между её пальцами, обливала подол платья, струилась по плотным в маленьких белёсых волосках икрам ног и скатывалась в траву.

Набрав полную горсть воды, она, смеясь, плеснула мне в лицо, набрала ещё и ещё плеснула. У меня сладко-сладко заняло в груди, страстно захотелось окунуться в её влажные ладони и утонуть там.

Но для этого у меня не было ни смелости, ни выучки.

Я только весело фыркал, подставляя лицо под радужные брызги, и радовался мгновению, соединившему нас в детской забаве.

Здесь было хорошо, прохладно, не так назойливо допекал полдневный зной, и только высоко-высоко прял и прял тонкую нить одинокий комарик, отыскивая жертву. Но, вероятно нас не замечал, и зудел где-то над головой, протяжно и скучно.

Снова подниматься наверх расхотелось, и мы, не сговариваясь, пошли вдоль ручья, вспугивая ошалевших от нашего неожиданного вторжения в прохладный и потаённый мир каких-то в радужных оперениях птиц.

Птицы, казалось, выстреливались прямо из-под ног, взмывали над нами и сразу садились, проваливаясь в небытие, и тут же из этого небытия возникали.

Теперь склоны лога раздвигались всё шире и шире, открывая долину, заросшую мелко-лесьем. Рядом мирно уживались, поднимаясь над молодыми сосенками, берёзки, топольки, пушистая ольха, кое-где проглядывались метёлки осины. Осина легко угадывалась по круглым дрожащим листочкам и белёсой в чёрных разводах коре.

Самого ручья не стало видно, только глухое бормотанье и всплески в зарослях рогоза, камыша и краснотала, говорило о его присутствии. По звуку можно угадать, что он, вбирая в себя родники, рос и мужал, медленно превращаясь в маленькую лесную речушку.

Самая благодать для местного зверья – и попить и поплескаться в жару есть где.

Мы вышли на открытое пространство. Впереди, раздвинув камыши, рогозник и остролистую осоку, проблеснула вода, значит, есть возможность посидеть возле и охолонуться.

По всей дороге вдоль устья ручья мы этого сделать не могли, уж очень неподступны его заросшие заболоченные берега.

Подойдя ближе, мы увидели, что устье перегораживает беспорядочный завал из веток, и деревьев, кора кем-то обглодана, да и сами деревья, правда, небольшой толщины, были, по всей видимости, срезаны то ли долотом, то ли широкими зубами, следы от которых отчётливо проступали на обезображенных стволах.

Завал, который преграждал и сдерживал воду, казался только на первый взгляд хаотичным. Присмотревшись, можно было увидеть, что зазоры между стволами заделаны камышом и другой растительностью, ветки и кустарник переплетались между собой, образуя непроходимую защиту напирившей воде.

Не было никакого сомнения, что здесь недавно поработали хлопотливые и беспокойные бобры со своими бобрятами. Этих водных жителей у нас в степном районе я никогда не видел, и мне было любопытно посмотреть на удивительных лесных братьев-трудяг.

Я осторожно, раздвигая кустарник, решил подобраться к воде, чтобы увидеть сметливых животных. Но, сколько ни всматривался, на поверхности воды никакого движения не наблюдалось.

Вода была изумительно чистой и просматривалась до самого дна.

Там, под водой, шелковисто стелилась лесная травка, в ней путались кустики земляники с зеленовато-розовыми недозревшими ягодами.

Наверное, тихая заводь образовалась совсем недавно, постепенно заполнив водой всё ложе оврага. Даже обычного для любого водоёма порхания над поверхностью стрекоз и бабочек не видно. Стерильно чистая, настоящая на лесных травах вода была спокойна и неподвижна.

Я стянул с ног кирзовые сапоги, взятые из Бондарей на всякий случай и, засучив штанины, шагнул в воду. Вода была теплее парного молока, и стоять в ней было так приятно, что я от удовольствия зажмурился. Ах, как хорошо!

Мягко тронув моё плечо, в воду осторожно зашла и моя спутница с босоножками в руке. Поплескав ногами воду, она тут же вышла на берег, кинула босоножки и стала стягивать через голову платье:

– Искупаемся?

– А как? У меня и плавок-то нет!

– А ты думаешь на мне купальный костюм? – она спокойно сняла платье и положила рядом с босоножками. – Отвернись и не подсматривай!

А как не подсмотреть, когда её выпростанные груди с острыми сосками настолько прекрасны и упруги, что совсем не нуждались в бюстгальтере.

Не обращая на меня никакого внимания, она, легко перегнувшись пополам, стала стягивать узенькие трусики, скатывая их по ногам.

Да, такого мне видеть не приходилось!

Мои ровесницы обычно купались в широких из плотного сатина трусах и лифчиках, или, реже, в купальниках, закрывающих наглухо всё самое интересное. Да и плескались чаще отдельно, своим шумным кагалом.

Мальчишки купались больше нагишом, не обращая никакого внимания на свои более чем скромные достоинства, которые никоим образом не рассматривались местными красавицами по назначению.

Но здесь, в лесной глуши, был другой случай. Я уже вышел из подросткового возраста настолько, что обнажаться даже до своих «шикарных» семейных трусов считал невозможным и нелепым. Ведь рядом была девушка, нет, женщина из совсем другого мира, настолько изящная и красивая, что стоять рядом с ней в таком бесстыдном виде я никак не мог.

Вытянув над головой руки и грациозно потянувшись, она осторожно вошла в воду, перевернулась на спину и мягко закачалась на волне. Острые соски на обнажённых округлостях то

скрывались, то показывались над водой как яркие спаренные поплавки. Всё её протяжённое тело теперь сладко отдавалось какой-то неизвестной мне чувственной неге, от которой становилось тревожно и страшно.

Медленно пошевеливая ногами, она словно зависла между землёй и небом, опрокинутым в настороженно тихую водную гладь.

Там, где сходились её ослепительно белые ноги, под сводом живота, в темнеющей бровке ещё путались блестящие воздушные бусинки, от которых я никак не мог оторвать мальчишеских глаз.

В зелёном окладе лесных опрокинутых в заводь деревьев и неба эта картина была настолько выразительна и зазывна, что, повинувшись то ли желанию, то ли рождённой этим желанием ярости, я бросился прямо в одежде туда, в самую сущность, чтобы растоптать, задушить, измять и сокрушить видение. Руки хватали, ловили, мяли, но в горстях оставалась только вода и пустота. Пустота и вода...

Не знаю, что тогда со мной приключилось, но всё было похоже на безумие. Теперь, уже на берегу смеялось и всхлипывало что-то враждебное, неуловимое, гибкое, яркое, от которого хотелось зажмуриться, быстрее уйти, убежать, скрыться за пологом лесной растительности.

Кое-как просунув в сапоги мокрые ноги, я, не оглядываясь, в одежде, с которой стекала бесчисленная вода, ринулся наверх, на свободу, на воздух, как будто в лощине не хватало воздуха, чтобы отдышаться и успокоиться.

«Стерва, стерва, стерва!» – бормотал я на ходу, уговаривая и оправдывая себя самого за взрывное действие обнажённой женской натуры: наверное, нельзя недоступное и запретное так просто и обыденно открывать незрелому возрасту.

Потрясение было великое.

Дядя Миша, увидев меня, только весело хмыкнул и отвернулся к своим деталям, которые промывал в бензине. Тёти Маши на улице не было, и я, забыв про ужин, быстро нырнул на сеновал. Там, под крышей, тепло и уютно. Отодвинув на горячей жести разные лесные ягоды, которые здесь сушились, я разложил мокрую одежду и, совершенно голый, завернувшись в простыню, неожиданно уснул.

Спал я долго, так долго, что мелькнувшую в чердачном проёме тень принял за большую ночную птицу и, отгоняя её, резко взмахнул руками.

– Тише, – сказала птица и прислонила палец к губам. – Это я! Чего ты?

Я ничего такого не предполагал, и спросонку, как был голый, так и вскочил, ещё весь в сновидениях и, не восходя к реальности.

– Это я! – повторила птица и начала обшаривать меня руками. – Ой! – вострепелась птица, стараясь исклевать мои губы.

Но в сгустившихся потёмках это ей удалось не сразу. Но вот когда мои губы слились воедино с порывистым и влажным дыханием другого существа, я ощутил всем телом жгучую сладость первого девичьего поцелуя.

Только теперь я по-настоящему пришёл в себя и стал стыдливо натягивать на себя простынь.

– Не надо! Не надо! Дурашка маленький! Так лучше! Какой ты горячий! Совсем растерялся! Я сейчас! Я сейчас!

Подо мной оказалось что-то податливое, трепетное и порывистое, дышащее тяжело и со всхлипом.

Моим неосознанным действиям мешало всё подряд: и непроглядная темень, вдруг налипшая на глаза, и моя стыдливая незащищённость тела, и колючее жухлое сено в ногах, и движения мимо цели...

Всё! Короткая вспышка – и мириады звёзд, рухнувших на мою голову.

Тихий смешок вернул меня к жизни:

– Ты как?

Что – «как?», я так и не понял. Впопыхах нащупал одежду и вынырнул из чердачного проёма наружу в ночь.

Одежда была сухой и тёплой на ощупь.

Скатившись с лестницы на землю, быстро натянул трусы, брюки и запахнул на груди рубашку. Руки дрожали так, что не могли застегнуть пуговицу. Ощущение такое, словно зарезал кого.

Наверное, так чувствует себя убийца, покинувший жертву. Назад возврата уже не будет. Зарезал. Зарезал. Зарезал. Зарезал – кого?..

Прохлада сгустившейся ночи медленно остужала меня. Стало нехорошо и стыдно за свою растерянность в столь деликатной области. Страшно захотелось курить. Нащупав в кармане махорку, я попытался свернуть сигарку, но только рассыпал табак между пальцами. Дрожь в руках никак не унималась.

Наконец я кое-как свернул козью ножку и закурил. В голове стучали молотками слова из какой-то песни: «Опять бью – мимо! Опять бью – мимо!»

«Ничего! Ничего...» – успокаивал я себя, присаживаясь на лавочку возле дома, ещё не понимая, что же со мной случилось в эту ночь? Но подспудно, откуда-то из глубины, поднималась неосознанная мужская гордость: я был с настоящей женщиной, не во сне, а вот так, наяву, и она ласкала меня везде, горячо и жадно.

– Не кури ты эту гадость! – Маргарита спокойным голосом, вроде ничего не случилось, вытащила из моих губ мужицкую самокрутку, рассыпая искры, бросила наземь и затоптала. – На вот, цивильных покури, мужичок колхозный! – рядом захрустел целлофан, и в моих губах оказалась душистая сигарета.

Надо бы обидеться за мужичка колхозного, но в данный момент ничего подходящего на язык не прилипло. В потёмках чиркнула спичка, осветив лицо обидчицы, и я потянулся прикурить от ночной бабочки. Сигарета оказалась с ментолом, такой дефицитной, что у нас в раймаге её не достанешь. Свою сигарету прикурила и «обидчица».

– На! Держи! – она протянула мне полную пачку. – Твои будут! А то смолишь, как кочегар.

О недавнем, неожиданном, и на мой мальчишеский взгляд преступном, она как будто забыла. Да и было ли что? Мне тоже стало казаться, что всё примнилось моему порочному сознанию и я было хотел об этом её спросить, но она, глубоко затянувшись сигаретой, опередила меня:

– Ты никому не рассказывай, как я тебя целовала! Маленький ты ещё! Глупый! Вот я тебя и пожалела...

От глубокой затяжки лицо её, выхваченное из ночи, стало отстранённым от всего, что нас окружало, и совсем непохожим на ту полдневную королеву Марго какой она мне тогда представилась. Лицо чужой незнакомой женщины, рельефное, лисье какое-то, и пугающее отстранённостью.

Стало не по себе, и я, чтобы самоутвердиться и спугнуть видение, сказал, никого не имея в виду, грязное короткое слово, которым обычно оценивают мужики противоположный пол.

Резкая пощёчина обожгла лицо, и быстрая тень метнулась к дому.

Я торопливо ухватил её за руку:

– Ты что?! Это я колена в темноте о скамейку разбил. Больно, ужас! – мне пришлось, ковыляя и приставывая, потянуть её обратно за собой на скамейку. – Дяди Миши чего-то нет... – чтобы перебить неприятную паузу, с притворным беспокойством протянул я. – Может, в доме спит?

– А вот это не твоего ума дело! Он спит там, где надо!

Короткое пламя на мгновение осветило её лицо, и маленький уголёк заплясал в воздухе.

В те годы мои ровесницы, да и девушки постарше, к сигаретам никакого интереса не проявляли. Поэтому меня неприятно удивило, что моя королева Марго, ко всему прочему, ещё и беспрестанно курит.

– А у вас в Москве все студентки курят?

От моего нелепого вопроса девушка, которая «ко всему прочему» ещё и курит, коротко хохотнула:

– А у вас – нет?

– Не знаю! У нас в Бондарях ни одна баба не курит. Курила одна цыганка чубук, так мы её чубучихой прозвали.

– Ну, ты совсем не дурашка, как я думала сначала, а дурак настоящий! – она ткнула уголёк сигареты в жестяную консервную банку, служившую пепельницей и, ухватив мою кепку-восьмиклинку за козырёк, натянула мне на глаза – и пропала в темноте.

Огорошенный, я сидел впотьмах до той поры, пока лунный свет стал тихо просачиваться сквозь решето ветвей и над лесом, по верхушкам деревьев, перебирая листья, порывистой ночной белкой пробежал лёгкий ветерок. Деревья спросонок залопотали. Наверное, приветствовали на своём древнем языке скорый рассвет. Стало так зябко и не прибрано на душе, что я снова полез на чердак, в надежде успокоиться под одеялом и заснуть.

Но только я закрыл глаза, как получил короткий, но внушительный толчок в бок.

Надо мной, широко расставив ноги, стоял дядя Миша, с ног до головы облитый солнечным светом:

– Вставай, проклятьем заклеймённый!

Я с недоумением сел на постели:

– Как, уже утро?

– Уже не утро, а уже – день! Спать ты, малый, горазд! Давай завтракать и – на крыло! У нас сегодня работы по горло. Вставай!

Вчерашнее ночное видение как рукой сняло. Ничего не помню!

На столе дымилась яичница с поджаренным крупно нарезанным салом. Косицы зелёного лука лежали рядом.

Быстро всполоснув лицо, я с такой жадностью накинулся на еду, что дядя Миша лёгким движением притормозил мою руку:

– Не гони! Ешь спокойно. Успеет, – и пошёл к машине.

Почему-то тётки Марьи не было видно, и непривычная пустота перед домом меня несколько озадачила. Всегда хлопотливая и общительная, она в это время давно была на ногах и вся при деле.

«Шаланда» наша, дрожа всем корпусом, нещадно чадила моторным маслом. Дядя Миша пробовал двигатель после вчерашнего ремонта. В кабине было жарко и смрадно. Я опустил стекло и высунул голову наружу. Березняк напротив дома лесника, насквозь пронизанный светом, был чист, словно промытая горница перед праздником Великой Троицы. Солнце уже вошло в полную силу, весело забавляясь в кронах деревьев причудливой игрой света и тени.

Поехали...

А вот и наша делянка, по какому-то праву отданная Лёшке Лешему и нам на распил, как теперь говорят.

Дядя Миша поставил «шаланду» поперёк дороги, загорживая длинным кузовом сквозной проезд. Я сказал ему об этом.

– Так надо! – он, не глуша мотор, вылез из кабины, и стал возиться с механической лебёдкой, которая крепилась возле радиатора.

Это, приспособленное на все случаи жизни устройство, используя вал отбора мощности двигателя, могло само вытаскивать машину из любой трясины. Хорошее устройство. Надёж-

ное. У конструкторов ум дальновидный, дельный. Война всему научит. Но для чего использовать лебёдку здесь, я не представлял. Вроде не буксуем, погода сухая...

– Иди-ка, помогай! – дядя Миша сунул мне в руки кованый крюк с тросом, и заставил идти вглубь делянки, туда, где там и сям лежали брёвна, которые мы успели за два дня подготовить.

Ровные, как телеграфные столбы, без сучка и задоринки, они пластались в густой траве в стороне от дороги.

Теперь я понял, для чего нужна лебёдка.

Перехватив удавкой бревно за комель, я махал рукой дяде Мише, а он включал тот хитрый механизм возле переднего буфера нашей «шаланды». Барабан, сыто похрапывая, накручивал на себя трос, и бревно медленно сползало к дороге.

Моя забота была только в том, чтобы хорошо зачалить заготовку и сопровождать её по пути следования. Бревно, обдирая дернину, ползло вперёд, а я в это время следил, чтобы торец бревна не уткнулся в пень, которых на пути было множество. Для этого я в руках держал небольшой ломик, которым и направлял лесину на путь истинный.

Задумка была гениальная. Мы, таким образом, освободились от самой тяжёлой работы. Таскать брёвна – не очень подходящее занятие, особенно, когда тебе нет и семнадцати. Можно надорваться.

Это потом, когда мне пришлось горбатиться по призыву комсомола монтажником на стройках, я в полной мере оценил находчивость дяди Миши, моего первого, если так можно выразиться, бригадира и наставника.

К обеду возле дороги возвышался накат брёвен для погрузки на машину будущего клиента-покупателя.

Его, то есть покупателя, долго ждать не пришлось. Вот уже призывно длинными гудками засигналила дорога, по ней, ухабистой и пыльной, тяжело переваливаясь сбоку на бок, тащился грузовик.

– Наш! – коротко сказал дядя Миша. И, выйдя на середину, замахал руками, подавая знак: что, вот мол, мы здесь!

Подъехала серьёзная машина «Студебеккер», американский Ленд-лиз, плата дяди Сэма за человеческие жизни.

Может, детская память такая забывчивая, может, действительно тогда время текло по другому измерению, но для меня, школьника, война была в давнем историческом прошлом, хотя с её победного окончания прошло всего-то одиннадцать лет. А вот теперь, с подрыва великого Советского Союза, прошло более двадцати лет, а кажется – только вчера шумело Красное Знамя над величественной зубчатой стеной Кремля, а теперь ветер полощет другое знамя, другого государства...

«Студебеккер», волоча за собой густую пыль, осел задней парой колёс возле нашего наката брёвен. Из кабины вышли три здоровенных мужика, пожали по очереди руку дяде Мише, потом, как равному, и мне.

– Михаил, где ты такого помощника себе отыскал? Ленился, небось?

– Небось, наравне со мной работает! – переиграл слово «небось» мой наставник. – Мы с ним на пару, оба-два! Физкультурный практикум проходим в родных лесах. На раз – взяли! На два – понесли! Так, что ли? – дядя Миша легонько хлопнул меня по спине.

– Так-на-так, – я перетакивать не буду! – позволил я себе выхвалиться перед мужиками своей бывалостью.

– Ишь, ты! Мужик, однако! – с восхищением поддержал меня один из приехавших, блеснув на солнце золотым искусственным зубом. – Давай, грузиться будем!

– Как, грузиться? – вырвалось у меня.

– Как, как! Пердячим паром, вот как! Берись за конец! – мужик, который меня только что похвалил за самостоятельность, нагнулся над комлем, приподнял его, пробуя на вес, и глазами показал на другой, более тонкий конец. – Бери!

Брёвнышко – ничего себе! Хотя я держал конец, который намного легче комля.

Мужик, крикнув, поднял бревно до уровня плеча, положил конец в кузов, и мы с ним разом сунули лесину.

Никуда не денешься, придётся использовать на полную мощность свою неокрепшую силу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.